

Заочное знакомство А.С. Пушкина и Н.М. Языкова относится к концу 1822 года, когда в петербургских «Новостях литературы» появилось присланное из Дерпта 19-летним Николаем Языковым послание «К А.М. Языкову», в котором поэт, тоскуя на чужбине по отчужденному дому, тепло вспоминает приволжский край и любимого брата Александра.

Талант молодого поэта не остался незамеченным. Приехавший в Дерпт В.А. Жуковский принял его «с откровенными объятиями». А симбирянин А.И. Тургенев в письме из Петербурга в Москву к князю П.А. Вяземскому от 28 августа 1823 года сообщал с удовлетворением: «О молодом Языкове пишут чудеса из Дерпта: другой Пушкин». Да и сам Александр Сергеевич заявил в письме к Антону Дельвигу от 16 ноября 1823 года, что разделяет «надежды на Языкова».

Как только А.С. Пушкин, перемещенный царским повелением из Одессы в псковское имение отца, освоился на этом месте ссылки, уже в следующем месяце устремился превратить заочное знакомство с Николаем Языковым в очное. Этому способствовал счастливый случай. Сын хозяйки соседнего Тригорского Алексей Вульф, проводивший здесь летние каникулы, оказался близким товарищем Языкова по Дерптскому университету и знатоком его озорных стихов и песен, не имевших никаких шансов пройти через цензурные рогатки в печать. Рассказы Вульфа и брата Льва о поэте-волжанине произвели на Пушкина неизгладимое впечатление, и вскоре после отъезда Алексея Вульфа из Тригорского, 20 сентября 1824 года, он обращается к нему в Дерпт:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.

Жорес Трофимов ЯЗЫКОВ

Этим же днем – 20 сентября – датировано послание самого Пушкина «К Языкову». Александр Сергеевич клянется «Овидиевой тенью», что давно побывал бы в гостях у молодого поэта, но путешествие в Дерпт невозможно:

Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнание
Влачу закованные дни...

Это необычайно теплое приглашение прибыло в Дерпт в конце сентября, но не застало адресата: Николай Михайлович еще в июне выехал в родной Симбирск на свадьбу старшего брата Петра с Елизаветой Ивашевой (сестрой будущего декабриста В.П. Ивашева) и вернулся в Дерпт только в конце января 1825 года.

Не трудно представить чувства, которые испытал Николай Языков, получив от Алексея Вульфа пушкинское приглашение, направленное аж четыре месяца назад... С интересом слушал Николай Михайлович рассказы Вульфа о двухмесячном общении с известным поэтом, жадно читал привезенные другом копии еще не опубликованных стихов Пушкина.

Как ни лестно было приглашение первого поэта России, Николай Языков не мог им сразу воспользоваться, ибо надлежало наверстать упущенное в учебе за полгода отлучки. Зато уже в первых числах марта завершил отделку ответного послания Александру Пушкину.

Алексей Вульф переписал это послание и вместе с новой языковской элегией отправил родным в Тригорское для передачи Пушкину, а тот не замедлил с выражением благодарности: «Обнимаю Вас братски. Также и Языкова – послание его и чувствительная Элегия – прелесть – в послании, после тобой хранимого певца, стих пропущен. А стих Языкова мне дорог. Перешлите мне его».

Каникулы Николай Михайлович провел в Петербурге, находясь рядом с Александрой Андреевной Воейковой, к которой испытывал чувство неразделенной любви. А в августе, в Дерпте, уже слушал рассказы Алексея Вульфа о Тригорском и о встречах с Александром Пушкиным. В письме к родным от 19 августа Николай Языков сообщал: «Сюда приехал из Пскова студент здешнего университета, приятель Пушкина; говорит, что Пушкин уже написал два действия своей трагедии «Годунов», что она будет прекраснее всего, им доселе написанного, что «Цыгане» скоро напечатываются, что Пушкин не хотел лечиться у Мойера потому, что надеялся получить позволение ехать для лечения за границу, что он пишет новую поэму «Эвнух» и пр. и пр.»

В середине декабря 1825 года Николай Языков выехал в Петербург, еще толком не ведая о событиях, разыгравшихся 14 декабря на Сенатской площади. Здесь, к своему великому огорчению, поэт узнал, что в ходе массовых репрессий были схвачены издатели «Полярной звезды» К. Рылеев и А. Бестужев-Марлинский. Глубоко переживал он за участь земляков-симбирян Николая и Александра Тургеневых, литераторов В. Кюхельбекера и А. Очкина.

5 мая он сообщает брату в Симбирск неожиданную новость: «... в начале летних каникул я поеду на несколько дней к Пушкину; кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую: увижу Изборск,

Пушкин

Псков, Печоры, места, священные музе русской, а ты знаешь, как на меня они действуют!»

Об этом же намерении Языкова Вульф известил Пушкина, а тот в письме от 7 мая выразил надежду, что в начале июня сможет обнять его. «Не правда ли, — продолжал Александр Сергеевич, — что вы привезете к нам и вдохновенного (Н.Языкова. — Ж.Т.)? Скажите ему, что этого я требую от него именем славы и чести России».

Николай Михайлович со всей душой откликнулся на столь горячий зов, и хотя для поездки нужны были деньги, а братья не прислали их из Симбирска к началу каникул, он все-таки отправился к Пушкину. Извещая об этом родных 23 июня из Тригорского, Николай Михайлович с удовлетворением заметил: «Я, что называется, перевернулся, и теперь там, где желал быть, — и похвала за то providению».

Николай Языков намеревался погостить на псковщине несколько дней, а пробыл в Тригорском шесть недель! Несмотря на свою застенчивость, он освоился-таки в незнакомом обществе, состоявшем в основном из особ прекрасного пола. Это чудо свершилось в основном благодаря хозяйке имения Прасковье Александровне Осиповой (по первому мужу — Вульф). Несмотря на свои 45 лет и вдовью долю (второй ее муж, И.С. Осипов, тоже почил в 1824 году), на заботы, связанные с управлением имением, обучением и воспитанием детей, она, разносторонне образованная женщина, была в курсе событий литературной жизни. С ней поддерживали знакомство В. Жуковский, А. Тургенев, П. Вяземский, Е. Баратынский. А. Пушкин запросто бывал в ее доме, и между ними сложились доверительные отношения.

Сама наружность 23-летнего волжанина вызывала симпатию у каждого, кто с ним соприкасался. Выше среднего роста, широкоплечий. Лицо — кровь с молоком. Непокорные светлокаштановые кудри над открытым широким лбом, слегка вздернутый нос, добродушный рот с пухлыми губами и веселый взгляд серых глаз.

Таким увидел дерптского студента Пушкин. Вскоре он сам убедился в справедливости того, что говорили о Николае Языкове: «Нрава он был отличного: остряк и балагур от природы, любил он подшучивать; но шутки его бывали всегда благодушно-наивные и никогда не пошлые, да и сам он не обижался дружеским подтруниванием, так что нельзя было не любить его».

«Молодое женское население» состояло из 25-летней Анны и 17-летней Евпраксии Вульф, а также 21-летней падчерицы хозяйки Александры Осиповой. Особой симпатией гостей пользовалась Евпраксия, которую обычно звали Зиночкой, Зизи. Она же была главным специалистом по завариванию после обеда жженки. Алексей Вульф вспоминал: «И вот сидим, беседуем и распиваем пунш. И что за речи несомлаемые, что за дивный смех, что за дивные стихи то Пушкина, то Языкова сопровождали нашу дружескую пирушку».

Приятному времяпрепровождению благоприятствовала необычайно теплая и ясная погода. Под ласковыми солнечными лучами в Тригорском буйно расцвело и благоухало растительное царство: роскошный сад у господского дома, цветочные клумбы, аллеи парка, а также прилегающие к парку цветущие луга и наливающиеся золотом хлебные нивы. К середине июня хорошо про-

грелись воды Сороти. Словом, было где погулять, покупаться, порезвиться верхом на аргамаках или посостязаться в стрельбе из пистолетов.

Свои восторженные впечатления о Тригорском и его обитателях Языков подытожил в письме к матушке в Симбирск: «Изобилие плодов земных, благорастворение воздуха, благорасположение ко мне хозяйки, женщины умной и доброй, миловидность и нравственная любезность и прекрасная образованность дочерей ее, жизнь или, лучше скажу, обхождение совершенно вольное и беззаботное, потом деревенская прелесть природы, наконец, сладости и сласти искусственные, как то варенья, вина и пр., — все это вместе составляет нечто очень хорошее, почтенное, прекрасное, восхитительное, одним словом — житье!»

Сначала с Пушкиным, а потом и один, Языков побывал в Михайловском. Обстановка, в которой почти два года проживал поэт-изгнанник, была еще скромнее, чем в Тригорском. На краю холма, у самого ската к Сороти, стоял одноэтажный господский дом, деревянный, крытый и обшитый тесом, на каменном фундаменте. По обе стороны его располагались службы. С одной стороны — флигель-банька, где хозяйкой была няня Арина Родионовна, с другой — кухня и два небольших флигеля. Перед домом зеленел небольшой газон, обсаженный кустами сирени и жасмина. За деревянным забором с калитками, справа от дома — спуск к купальне. Левее служб раскинулся фруктовый сад, а прямо напротив господского дома — парк, через который аллея вела на почтовый тракт.

В комнате, служившей хозяину спальней, кабинетом и гостиной, Арина Родионовна радушно приветствовала Языкова и, несмотря на свой преклонный возраст — 68 лет — проворно накрыла на стол. За трапезой друзья весело проводили время до той поры, когда «уж гасит ночь свои светила, зарей алеет небосклон». Воссоздавая картины их теплого общения, Языков написал:

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!

Живо обсуждали поэты прочитанное. Языков имел честь познакомиться с новыми главами «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина» из уст самого автора. Строились планы сотрудничества в столичных журналах и альманахах. Между тем настал день, когда поэт-студент должен был возвращаться в Дерпт, где уже шли занятия в университете. Вместе с ним собирался в дорогу и Пушкин, который уже два месяца ждал ответа на свое прошение на имя Николая I о дозволении выехать для лечения «в Москву или Петербург или чужие края», а губернатор таил молчание. Поэт-изгнанник с ужасом думал, что ему опять придется зимовать в михайловской ссылке.

Дорогу до Пскова друзья-поэты проделали в одной коляске, и 18 июля 1826 года еще общались там. На следующий день, обменявшись клятвенными обещаниями поддерживать связь между собой, они расстались.

Впечатление о пребывании на Псковщине Языков выразил в послании «А.С. Пушкину» от 16 августа:

О, ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Светлее царской головы!
Огнем стихов ознаменуя
Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы — ты да я,

Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз, —
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.

Александру Пушкину пришлось по душе столь занимательное начало переписки, и, не мешкая, он набросал уже 28 августа послание:

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!

Этот теплый дружеский ответ дал Языкову основание заявить брату Петру в письме от 2 сентября в Симбирск: «У меня завелась переписка с Пушкиным — дело очень любопытное. Дай Бог только, чтоб земская полиция в него не вмешалась!»

В это же время Николай Михайлович завел переписку и с П.А. Осиповой. В послании к хозяйке Тригорского он воспел Псковщину и с восторгом отозвался о Пушкине:

А вольномыслящий поэт,
Наследник мудрости Вольтера!
Ни тени скуки, ни сует,
И с полным жаром юных лет
В свободу сладостная вера!
Картины общения с другом-поэтом Языков воссоздал еще в одном произведении — в поэме «Тригорское»: Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслись наши вечера...

С этой поэмой Александр Сергеевич познакомился после изнурительного недельного путешествия из Москвы в Михайловское. Под свежим впечатлением от прочитанного тут же написал благодарственное письмо в Дерпт: «Милый Николай Михайлович — сейчас из Москвы, сейчас видел Ваше «Тригорское». Спешу обнять и поздравить Вас. Вы ничего лучше не написали, но напишете — много лучшего. Дай Бог Вам здоровья, осторожности, благоденствия и мирного жития!» В этот же день, 9 ноября 1826 года, Пушкин отправил письмо в Москву князю П. Вяземскому, в котором также высоко оценил «Тригорское».

Вскоре поэма «Тригорское» по просьбе Александра Сергеевича была опубликована в «Московском вестнике», что не прошло мимо внимания Вульфа во время его следующего отпуска в Тригорском. Н. Языков не составил компании ему в этой поездке, но в письме от 17 февраля 1827 года признался, что не нашел во всей своей жизни «ничего подобного красотой нравственною и физическою, ничего приятнейшего и достойнейшего сиять золотыми буквами на доске памяти сердца, нежели лето 26 года».

В середине мая поэт завершил послание «К няне А.С. Пушкина», в котором, обращаясь к «свет Родионовне», заверяет, что помнит те дни в Михайловском, когда:

Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены...

Свое глубокое уважение к Николаю Языкову Пушкин продемонстрировал в «Евгении Онегине». В ранней редакции четвертой главы романа 33-я строфа посвящалась Тригорскому, а следующая почти целиком — студенту-поэту:

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы, —